

От главного редактора

На исходе первого квартала в унисон со все более тревожными сигналами о неблагополучии макроэкономической ситуации в России правительство утвердило все-таки долгожданную государственную программу развития Дальнего Востока и Байкальского региона. Некоторую странность прошедшему в Якутске заседанию правительства, по итогам которого Д. Медведев и подписал саму программу, придали подчеркнутый энтузиазм в оценке программы тех самых членов правительства, которые за две недели до этого в Москве жестко критиковали программу. Но странность эта — кажущаяся. Все становится на свои места после знакомства с тем, что же утвердило правительство. Оказывается, энтузиазм и хвалы в адрес программы относились к увесистому тексту, который никакого, собственно, особого смысла не имеет. А все, что касается реальных вещей, то есть денег, существенно «похудело» за прошедшие две недели. Оказывается, найден замечательный компромисс: мы вам — похвалы за тяжелую и важную работу, а вы нам — согласие на финансовый секвестр ваших ожиданий. Компромисс оказался практически неизбежен по двум причинам. Во-первых, денег у правительства просто нет, но зато есть важные обязательства в области инфраструктуры, которые имеют действительно стратегический характер (БАМ, космодром, Транссиб, энергетическая инфраструктура). Вот на эти-то обязательства и хватает (виртуально) денег бюджета. Во-вторых, даже эти деньги использовать можно только при наличии формального документа под названием «программа».

Таким образом, всех все устроило. Правительство продолжит выполнять свои намерения и обязательства в области инфраструктуры для экспорта. Региональные элиты продемонстрировали свою эффективность и преданность региону в форме подписанной программы, в которой, кроме денег, есть все — обещания, декларации, предложения. Есть, правда, одна досадная тонкость: какое отношение это чудо политической эквилибристики имеет к «развитию региона»? Каким образом эти маневры приведут к улучшению качества жизни, созданию институционального оазиса, улучшению конкурентного климата, сближению с передовыми стандартами в социальной и экономической сфере, конструированию комфортной коммунальной инфраструктуры, росту человеческого капитала и пр.? Впрочем, это — тонкость.

Может быть, действительно публике не обязательно объяснять, что существуют серьезные различия между трактовкой «региона» как перечня статистических показателей, совокупности инвестирующих и производящих продукцию и услуги предприятий и компаний, инвестиционного списка проектов, с одной стороны, и взаимодействующих экономических и

социальных структур, функционирующих на определенной территории в определенной институциональной среде, — с другой стороны. Однако той же публике все-таки хочется быть уверенной в том, что предпринимаемые за ее же счет действия в конечном итоге приведут к улучшению результатов функционирования экономической и социальной структур в регионе, а непосредственным индикатором этого системного улучшения станет улучшение качества жизни самой по себе публики. Именно с этими ожиданиями, вероятно, связан повышенный интерес самых разных слоев населения на Дальнем Востоке к государственной программе. Вероятно, так устроено общество, что предпочтения ожиданий оказываются значительно выше, чем предпочтения реального опыта в случае, если реальный опыт негативен. Ситуация зеркально меняется, если реальный опыт позитивен, то есть обществу есть что терять. Это, кстати, может служить важным критерием настроений самого общества: если так велик интерес и так велики ожидания результатов государственной программы, следовательно, обществу нечего терять, то есть его оценка прошлого и настоящего региональной общественно-экономической ситуации негативна.

Итак, не только правительство и региональные элиты нуждались в утверждении программы, но и само общество с нетерпением ожидало этого утверждения, положившись на обещания того, что уж на этот раз все будет хорошо и ожидания «светлого будущего» обязательно оправдаются.

Программа утверждена. Что дальше? Уже очевидно, что надежды на создание и длительное поддержание бюджетного трафика в пользу Дальнего Востока как социально-экономической системы нереалистичны. Бюджетные инвестиции будут, но в основном в корпоративные сети и инфраструктурный каркас, необходимый для расширения рынков для корпоративных структур, имеющих интересы на самом Дальнем Востоке и (или) в Восточной Азии. Проблема же создания экономической системы, способной генерировать собственные потоки доходов и формирования на этой основе положительной динамики социальных параметров, столь же далека от реализации, как и до утверждения программы. Она просто не понята.

Вторая принципиальная проблема — изменение принципов и пропорций распределения рентных доходов, генерируемых в пределах Дальнего Востока, — перенесена фактически в проблематику конструируемого в недрах Совета Федерации РФ закона о развитии Дальнего Востока, предусматривающего введение, в том числе, и налоговых льгот для производителей на Дальнем Востоке. В связи с этим полезно отметить два момента. Во-первых, ставка налога не исчерпывает проблему, так как не затрагивает такие наиболее болезненные для регионального бизнеса стороны, как налоги на заработную плату, а также таможенные доходы, наиболее «интересные» для ре-

гиональных бюджетов. Во-вторых, как и в случае с собственно программой, существует лишь общее предположение о том, что экономическая и социальная динамика в регионе зависит от налоговой нагрузки на производителя. Никаких исследований, которые бы подтверждали, корректировали или опровергали данное предположение, не существует и даже не планируется. В этом отличие институциональных инноваций в случае Дальнего Востока от программного планирования. В отношении применения программно-целевого планирования регионального развития существует богатая литература и накоплены результаты длительных исследований, просто они игнорируются. Чтобы и институциональные новации не повторили печальный путь деградации программно-целевого планирования, следовало бы провести масштабные исследования по оценке эластичности различных параметров экономической и социальной динамики региональной системы в зависимости от тех или иных количественных и структурных вариаций налоговой нагрузки, а также сравнительной эффективности различных схем межбюджетных трансфертов.

Впрочем, скорее всего это практически невозможно сделать, так как экономические измерения в пространственной экономике все более подменяются политизированными мнениями, а культура эксперимента растворяется в потоке скоропалительных решений.